

КНИЖНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА
«СИСТЕМА»

Андреев Алексей
Грашин Алексей
Караев Николай

Фролов Денис
Хлебников Артем
Шейнин Павел

Будущее время

**Проект по перезагрузке научной фантастики
в литературе и медиа**

Москва, 2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Книга издана в партнерстве с благотворительным фондом «Система» при информационной поддержке

НАУКА
ТЕЛЕКАНАЛ

Часть средств, полученных от реализации книги, будет направлена на финансирование программ благотворительного фонда «Система»

Б90 **Будущее время** / А. Андреев [и др.]. — М. : РИПОЛ классик, 2019. — 270 с.

ISBN 978-5-521-78393-9

Научно-фантастический жанр всегда вдохновлял технологическое сообщество: братья Стругацкие, Кир Булычев, Рэй Брэдбери были любимыми писателями многих инженеров и ученых. Сейчас фантастика в России существует в форме повторяющихся сюжетов и образов, и эти границы жанра стали слишком узкими для научно-фантастического воображения. Поэтому в 2018 году благотворительный фонд «Система» учредил премию в жанре научной фантастики «Будущее время», чтобы вдохновить талантливых авторов, которые хотят писать в этом жанре. За полтора месяца авторы из 32 стран мира прислали в проект «Будущее время» 1841 фантастический рассказ. Профессиональное жюри выбрало лучшие работы, которые объединены в сборник «Будущее время». Сборник «Будущее время» — это шесть фантастических историй о мире будущего, в котором отражаются тенденции современного технологического прогресса. Авторы рассказов посмотрели на вечную для литературы и искусства тему с технологической стороны — каким будет мир, в котором бессмертие достижимо?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Коллектив авторов, 2019
© Благотворительный фонд «Система», 2019

ISBN 978-5-521-78393-9

АРТЕМ ХЛЕБНИКОВ

**ОНО ДАЖЕ
НЕ ПРОШЛО**

I

Мне семь лет. Я бегаю по нашему большому загородному дому, лавируя между собравшихся гостей. Дедушке исполняется семьдесят лет, и в честь юбилея мои родители подготовили для него нечто особенное. Я посвящен в тайну и горжусь тем, что надежно хранил секрет последние два месяца, но теперь с трудом сдерживаю волнение: мне не терпится увидеть дедушкино лицо, когда ему вручат подарок, и услышать, что он скажет после. Но особенно я волнуюсь потому, что и сам толком не знаю, что это за *сеанс*, две минуты которого вся семья в складчину купила дедушке.

Подготовка шла долго. Деда под убедительным предлогом удалось выслать на морской курорт, а тем временем в дом начали регулярно приезжать люди в аккуратных серых комбинезонах — «сканнеры», как их называл папа. Исподтишка я наблюдал за ними, пытаюсь догадаться, что они делают. Они не были похожи на заурядных техников, которые устанавливали Интернет или чинили квантовые компьютеры. Серые комбинезоны держались вежливо, но почти не улыбались, мало разговаривали,

подолгу настраивали аппаратуру и, казалось, едва замечали, что рядом был кто-то еще. Больше всего меня озадачивала длинная палка, с которой они заходили в каждую комнату и медленно водили ей по полу, потолку, стенам, мебели, личным вещам. Будто искатели кладов с металлодетекторами, которые так глубоко погрузились в свои мысли, что не заметили, как забрели с пляжа к тебе в дом.

Так продолжалось три-четыре недели. А потом серые комбинезоны в один день собрали вещи и исчезли, пообещав, что все подготовят к празднику. Ничего не подозревающий дед вернулся довольным и загорелым.

Вот он сидит во главе стола — высокий бровастый старик, сохранивший, несмотря на возраст, осанку и хриплый гулкий бас, от которого дрожит шампанское в бокалах поблизости. Грозные морщины на его лице умеют складываться в причудливые узоры, передавая мельчайшие оттенки раздражения или гнева. Обычно одним своим видом он наводит первобытный ужас на детей и придает почтительности взрослым, но я совсем не боюсь старика. Я люблю деда, обожаю с ним играть и за последние годы научился, как хиромант, виртуозно трактовать хитросплетения этих морщин. Сейчас его морщины говорят о том, что дед догадывается по шепотам и мимолетным взглядам о готовящемся сюрпризе, но виду не подает.

Застолье. Я ерзаю на стуле и посматриваю на родителей, пытаюсь понять, не настало ли время для подарка. Через час отец наконец-то встает и произ-

носит речь. Слово *сеанс* волной расходится по комнате и гасит все посторонние звуки. Все взгляды обращены на деда. Тот неторопливо поднимается, шуткой разряжает обстановку и выходит из зала в сопровождении отца и уже знакомых мне двух мужчин в серых комбинезонах, возникших неведь откуда. Я сижу как на иголках: мне втайне хотелось самому посмотреть *сеанс*, а теперь придется изнывать от нетерпения еще пятнадцать минут.

Взрослые продолжают есть как ни в чем не бывало, но многие поглядывают в дверной проем, откуда должен появиться дедушка. Сначала я рассматриваю гостей, потом начинаю скучать, но все равно первым замечаю начавшееся шевеление на другом конце комнаты. Дед выходит, поддерживаемый моим отцом и еще одним техником, и его сразу окружают родственники, встав плотной стеной.

Я вскакиваю со стула, бегу, протискиваюсь сквозь толпу в первый ряд и чувствую неприятный холодок, побежавший по спине. Дед плачет. Я уже знаю, что плачут не только дети, тут для меня ничего удивительного нет. Вот только у деда не сентиментальные стариковские слезы, какие иногда можно увидеть у хороших актеров в кино (тогда люди еще смотрели кино). О нет, он плачет *навзрыд*, всхлипывает и не может остановиться, словно ребенок, разбивший коленку. Искривленные губы вздрагивают, огромные руки трясутся, морщины ходят ходуном по лицу, как рыбацья сеть, наброшенная на штормящее море, и я ничего не могу прочитать по их узору. Через минуту дед успокаивается и рассказывает, что

видел маму и себя, маленького мальчика, рядом с ней на веранде нашего дома. Был теплый и солнечный август. Он только что запустил маме в волосы божью коровку и теперь, сочиняя на ходу, пел песенку о том, как хорошо ей живется в маминых густых волосах. Мама заливалась смехом, и он хохотал вместе с ней.

Дедушка говорит, что больше никогда в жизни не был так счастлив, как в тот день. Повисает тишина. Дед стоит, бессильно опустив руки, и смотрит на остальных. Двое в серых комбинезонах вежливо улыбаются где-то сбоку. Взрослые робко шепчутся и растроганно шмыгают носами. Мама и папа в восторге: сюрприз удался как нельзя лучше. Я пристально смотрю на дедушку, прислушиваюсь к себе и мучительно пытаюсь сообразить, что же тут не так.

Наконец до меня доходит — глаза. Я хорошо знаю этот взгляд, это взгляд разочарования. Всякий раз, когда я был сильно перед дедом виноват (грубил от детской горячности, попадался на вранье, тайком что-то ломал и пытался скрыть), у него были такие же глаза. В них была такая же растерянность, словно я сосредоточил в себе один из главных изъянов мира, который нельзя исправить, и потому остается лишь вздохнуть и смириться. Возможно, это всего лишь мое детское воображение. Но я не выносил этот взгляд и из кожи лез вон все следующие дни, чтобы загладить вину и изгнать его из глаз деда.

Теперь дед смотрит этим взглядом *на все вокруг*. Но никто в комнате, кроме меня, не видит его глаз, не чувствует это немое недоумение, обращенное